

УДК 351.751

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.12

Спецхран как атрибут советской системы

Ольга Владимировна БОЛЬШАКОВАдоктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра руссиеведения
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: jkmuf16@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9032-3115

ЦИТИРОВАНИЕ: Большакова О.В. Спецхран как атрибут советской системы //

Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17.

№ 5. С. 215–228.

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.12

Статья поступила в редакцию 05.09.2024.

Исправленный текст представлен 24.10.2024.

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается история советского спецхрана как института, воплотившего в себе системные черты советской цивилизации: закрытость, секретность, идеологический контроль, бюрократизацию. Прослеживается эволюция этого института, представлявшего собой элемент разветвленной системы цензуры и инструмент ограниченного распределения информации. Становление советского института спецхрана началось сразу после революции 1917 г., к концу 1930-х годов он сформировался окончательно. Конец эпохи сталинизма ознаменовал начало нового периода, который характеризовался дальнейшим упорядочиванием спецхрана как учреждения, отказом от практики массовых чисток библиотек и постепенным расширением доступности фондов. В статье показаны конкретика отбора литературы в спецхраны и условия получения допуска к ним читателями. Исчезновение идеологического контроля

коммунистической партии и отмена цензуры привели к ликвидации этого института.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: советская цивилизация, цензура, Главлит, библиотеки СССР, спецхран, секретность, гриф «Для служебного пользования» (ДСП).

Введение

В своей фундаментальной книге «Советский век. Археология утраченного мира», изданной в 2017 г. на немецком языке и переведенной на английский в 2023 г., Карл Шлёгел представил описание советской цивилизации как «текста прошедшей эпохи». В перечень выбранных для рассмотрения характерных ее примет наряду с такими знаковыми, как коммуналки и общежития, очереди и дефицит, Парк Горького и ГУЛАГ, московские кухни и многое другое, включен и спецхран, которому посвящена отдельная глава («Спецхран: ка-

талог запрещенных книг»)¹. У немецкого историка, подчеркивающего свою позицию стороннего, но доброжелательного наблюдателя, само наличие спецхрана как элемента всеобъемлющей системы цензуры вызывает возмущение: «Где еще целые дисциплины – например, теология – были исключены из каталогов? Как можно было просто исключить из [общедоступных] фондов значимых представителей интеллектуальной традиции? Где еще существовал запрет на цитирование прочитанных книг? Где еще важные академические издания и антологии изымались из общего обращения просто потому, что они содержали сноску или упоминание о ком-то, кто впал в немилость в период репрессий?». «Фактически, – добавляет он, – это [была] организованная государством и исторически беспрецедентная чистка библиотечных фондов целой нации» [Schlögel, 2023, p. 458].

Не вдаваясь в обсуждение проблемы уникальности советского спецхрана, попытаемся разобраться, что собой представлял этот институт, который, в сущности, являлся инструментом ограничения доступа к информации в закрытом обществе. История становления и созревания спецхрана позволяет проследить историю так называемой советской цивилизации, существование которой по историческим меркам было весьма недолгим и формально закончилось с распадом СССР. К. Шлэгель датирует ее рождение 1917 г., Стивен Коткин в своей знаменитой «Магнитке» относит возникновение «социалистической цивилизации» (как социалистического варианта модерности) к 1930-м годам, когда люди массово приняли проект построения нового об-

щества, научились «говорить по-большевистски», жить и работать «по-новому», что делает временной отрезок еще короче [Kotkin, 1997]. С другой стороны, даже крупнейший исторический перелом, в результате которого исчезло государство под названием Советский Союз, не может уничтожить цивилизацию окончательно. К. Шлэгель отмечает, что последовавшие десятилетия «вывели на поверхность влияние более глубоких структур» [Schlögel, 2023, p. xvii], и это служит весомым аргументом в пользу применения цивилизационного подхода.

Конечно, получивший второе дыхание после окончания холодной войны цивилизационный подход, консервативный по своей сути, далеко ушел от концепций О. Шпенглера и А. Тойнби. Историкам ближе идеи Ф. Броделя с его *histoire totale*, а также современный акцент на культуре, которая также носит всеохватный характер. Вот и в книге К. Шлэгеля «советская цивилизация», сформировавшая несколько поколений граждан, подается как образ жизни, который надолго пережил систему, и даже как «форма жизни» «со своей историей, зрелостью, упадком и разрушением» [Schlögel, 2023, p. 2–3].

Как знаковый атрибут советской цивилизации спецхран изменялся вместе с ней, пережив фазы становления, зрелости и упадка, и был официально ликвидирован приказом № 100 Главлита от 9 июля 1990 г. Открытие библиотечных спецфондов и следовавшая затем «архивная революция» вызвали большой общественный резонанс и воспринимались тогда как символический разрыв с советским прошлым, олицетворением которого стал спецхран.

1 СПЕЦХРАН (отдел спец. хранения, спецфонд) – специальное отделение библиотеки, предназначенное для хранения изданий, запрещенных для широкого распространения, пользование которыми допускается на основании специально оформленного разрешения [Библиотечная энциклопедия, 2007, с. 982].

Советский спецхран как институт

Характеризуя советский спецхран как институт, необходимо выявить некоторые его системные черты. При первом же взгляде заметна такая его характеристика, как *закрытость*, которую можно назвать «цивилизационной особенностью» советского общества в целом. Второе, что бросается в глаза, – *секретность*, которая также была в высшей степени характерной чертой советской жизни и, как отмечают исследователи, лежала в основе управления советским государством. Ее истоки относят к совокупности обстоятельств: приход к власти партии большевиков, долгое время находившейся на нелегальном положении и действовавшей в условиях строжайшей конспирации, реалии Гражданской войны, после окончания которой, однако, сохранялась и внешняя, и внутренняя угроза [Куренков, 2015]. Секретность определялась необходимостью охраны военной и государственной тайны, а также приравненной к ним партийной тайны, которая охранялась едва ли не строже. Как отмечает Г.А. Куренков, к началу Второй мировой войны «усложнение задач, решаемых государством, и буквально борьба за существование объективно приводят СССР к разделению тайн на внешние и внутренние, которые защищают и от иностранных разведок, и от собственных граждан» [Куренков, 2018, с. 52]. Деятельность окруженного ореолом секретности спецхрана была направлена как раз на внутреннюю аудиторию, которую ограждали от получения «политически вредной» и потенциально опасной для партии и государства информации, при этом допуская к ней «надежных» граждан. Таким образом, функция спецхрана как фильтра состояла в осуществлении *идеологического контроля* публичной

сферы, что являлось важнейшей, системообразующей характеристикой советской цивилизации.

Будучи инструментом выборочного распределения информации, в институциональном отношении спецхран представлял собой часть разветвленной системы цензуры и подчинялся Главлиту. Как эмоционально писал известнейший специалист по истории дореволюционной и советской цензуры А. Блюм, «6 июня 1922 г. – одна из самых страшных, роковых дат в истории страны: именно в этот день вышел декрет Совнаркома о создании Главного управления по делам литературы и издательств («Главлит»»). Забыв о своих обещаниях на заре революции, большевистское правительство восстановило в полном объеме институт тотальной предварительной цензуры, одной из самых жесточайших, которые когда-либо знал мир» [Блюм, 1994, с. 82]. Таким образом, подчеркивается не просто преемственность между дореволюционным и советским периодом, а указывается на возвращение к дореформенным временам, к николаевскому царствованию, когда цензура была предварительной и регулировалась «чугунным уставом» 1826 г.

В принципе любая цензура озабочена охраной тайн, соблюдением «приличий» и защитой государства от нанесения ущерба его репутации. Однако советское государство было особенно чувствительным к этим вопросам, и гражданская цензура в СССР по определению являлась политической, защищая интересы правящей партии и насаждая официальную коммунистическую идеологию. Масштабы деятельности цензурных органов были таковы, что историки до сих пор не охватили все ее аспекты.

Причина, в частности, заключается и в особенностях работы аппарата цензурирования (подразделения Главлита

официально находились при исполкомах республик, округов, городов и районов, однако фактически подчинялись партийным органам и были тесно связаны с органами госбезопасности), и в строгой засекреченности, включая практику регулярного уничтожения документации. *Бюрократизация* управленческой системы – еще один признак советской цивилизации – в полной мере воплотилась в деятельности главного цензурного ведомства и библиотек, которыми оно руководило².

На данном этапе изучения советского спецхрана приходится опираться главным образом на литературу, значительную часть которой составляет публицистика рубежа 1980–1990-х годов. Научных исследований спецхрана немного, написаны они в основном библиотечными в контексте истории своих учреждений, в то время как обобщающей работы пока не появилось. Трудность воссоздания истории спецхрана по опубликованным источникам заключается в мозаичности современной историографии, рассматривающей лишь какие-то отдельные сюжеты, в приближенности и часто неточности (либо несопоставимости) приводимых данных. Оправу можно найти прежде всего в работах М.В. Зеленова, написанных по архивным материалам и посвященных разным аспектам истории советской цензуры и спецхрану в частности [Зеленов, 2000; Зеленов, 2012 и др.]. Кроме того, используются материалы проекта «Живая история», реализуемого на базе ИНИОН РАН.

Поскольку история спецхрана тесно связана с историей политической цензуры, соответственно, выстраивается и периодизация с опорой на работы

известного специалиста в этой области Т.М. Горяевой. Спецхран прошел через этапы во многом хаотического формирования в 1920-е годы и окончательного упорядочивания во второй половине 1930-х годов, вступил в фазу модернизации после смерти Сталина, которая завершилась периодом «стагнации и кризиса власти и идеологии в 1969–1991 гг.» [Горяева, 2002]. Совершенно особый период – конец советского спецхрана, сопровождавшийся многочисленными публикациями (в том числе в «большой прессе»), в которых были даны первоначальные оценки этого феномена. Для обзорного освещения исторической эволюции спецхрана имеет смысл разбить ее на два крупных этапа и взять в качестве разделительной вехи конец эпохи сталинизма.

Библиотечные спецхраны в 1917–1955 гг.

«Секретные» или «заповедные» отделения имелись в старейших библиотеках Российской империи, по всей видимости, с самого их основания. Так, в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге (ГПБ, ныне – РНБ) при открытии ее в 1814 г. для них было выделено две комнаты, куда, по примеру Ватиканской библиотеки, было решено поместить книги, которые «по силе законов для цензуры» <...> «должны скрыты быть от большей части публики, но которые могут находиться в имп. Публичной библиотеке, во-первых потому, что она есть вместилище книг всякого рода, а во-вторых, что и запрещенные книги иногда нужны бывают для справок самому прави-

2 Каждые 8–10 лет в СССР издавался «Перечень сведений, составляющих государственную тайну», на основании которых Главлит выпускал свои «Перечни сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению» (в 1957 г. он включал в себя 12 разделов, или 250 пунктов), а также на постоянной основе составлял списки произведений, запрещенных к печати и распространению [Зеленов, 2012, с. 154–155].

тельству» [Цит. по: Варламова, Лукашунас, 2019, с. 267–268].

После октября 1917 г. судьба этого собрания в корне изменилась: оно превратилось в ценнейшую коллекцию русской революционной литературы. Первые годы политика советской власти по отношению к библиотекам характеризуется парадоксальностью: с одной стороны, открывались национализированные частные библиотеки и царские архивы, с другой – новые книги и материалы отправлялись на спецхранение.

Секретные фонды библиотек стали довольно быстро разрастаться, поскольку советская власть с первых дней своего существования была глубоко озабочена борьбой с контрреволюционной агитацией (Декрет о печати был принят СНК 27 октября 1917 г.). По словам М.В. Зеленова, Гражданская война в огромной мере способствовала распространению режима секретности, и первые отделы специального хранения появлялись благодаря инициативе «снизу» в местных библиотеках, архивах и ведомствах. В этой ситуации и рождался спецхран как особая организация [Зеленов, 2000, с. 129]. Большую часть секретных изданий составляла литература на русском языке, выпущенная за пределами Советской России (белогвардейская, эмигрантская).

В ходе процесса централизации издательского дела, архивов и библиотек усиливается контроль за распространением печатной продукции, выходят все новые нормативные акты, определяющие порядок хранения и пользования секретными материалами, юридически оформляются фонды ограниченного доступа в библиотеке Румянцевского музея (будущей Ленинке), в Публичной библиотеке в Петрограде, при Книжной

палате, при библиотеке Комкадемии³ и Всенародной библиотеке Украины в Киеве [Зеленов, 2000, с. 132]. Спецхраны переходят под непосредственное руководство Главлита, хотя возникающие спецхраны массовых библиотек какое-то время находились в ведении Главполитпросвета и курировались лично Н. Крупской. В середине 1920-х годов по ее инициативе началась кампания по изъятию «вредных и контрреволюционных книг», и поскольку в спецхраны могло направляться не более двух экземпляров, остальные уничтожались.

До начала сталинских репрессий спецфонды библиотек были «мизерными», как это оценивает С.Ф. Варламова, исходя из общих масштабов Публичной библиотеки в Ленинграде (ГПБ), где он составлял несколько сотен единиц. В почти детективном сюжете об организации уже «советского» спецхрана в Библиотеке Академии наук (БАН) в 1929 г., описанном в книге К.В. Лютовой, фигурирует «шкафчик с секретными материалами», ключ от которого хранился в ящике одного из письменных столов в Рукописном отделении [Лютова, 1999]. Наряду с поступлениями русскоязычных изданий спецфонды пополнялись литературой на иностранных языках, всегда вызывавшей настороженное отношение. К ней применялись особые правила цензурирования и хранения, но и ее из-за международной изоляции СССР в 1920–1930-е годы было немного.

Быстро разрастаться спецфонды начали в период политических репрессий за счет изъятий из общих фондов книг и статей авторов, получающих клеймо «врага народа», что отражало серьезные изменения в цензурной политике. Теперь основанием для изъятия стало не содержание произведения, а лич-

3 Будущая Фундаментальная библиотека по общественным наукам (ФБОН) АН СССР, затем – ИНИОН РАН.

ность его автора. Первым документом подобного рода Л.Г. Осадчук считает список, выпущенный Главлитом в июле 1935 г. В него были включены все книги Л. Троцкого, а также отдельные произведения А. Зиновьева, Л. Каменева, Н. Бухарина [Осадчук, 2012, с. 43]. По данным С.Ф. Варламовой и О.В. Лукашунас, в 1935–1938 гг. из общих фондов ГПБ было изъято и направлено на спецхранение почти 50 тыс. изданий [Цит. по: Варламова, Лукашунас, 2019, с. 267–268].

Годы репрессий явились этапными для окончательного становления института спецхрана. К этому времени отделы спецхранения имелись в большинстве крупных библиотек: научных, публичных и массовых (областных, краевых, республиканских). Л.Г. Осадчук упоминает о своего рода итоговом списке Главлита, определенном приказом от 25 октября 1938 г., в который были включены почти все спецхраны библиотек СССР [Осадчук, 2012, с. 45].

Самой драматической страницей в истории советских библиотек сталинского периода стало массовое уничтожение «политически дефектных» книг (получивших название «спецмакулатура»), не сопоставимое с чистками 1920-х. В 1930-е годы, как вспоминают библиотекари, уничтожались не только люди, но и книги, и многие занимались их спасением. Кто-то тайно выносил списанные («вредные» либо ветхие) книги с работы, однако страх уголовной ответственности и возможных обвинений в контрреволюционной деятельности чаще вел к перестраховкам. Изъятия с последующим уничтожением принимали сплошной характер, так что местные Главлиты были вынуждены периодически выпускать приказы о временной приостановке этой

деятельности [Филимонова, 2020, с. 2]. Поскольку 1–2 экземпляра изымаемых книг отправлялась в спецхран, роль этого института оказалась очень велика. Библиотечные спецхраны стали поистине «островками спасения», убежищем для «неудобной» литературы.

История «списочного» уничтожения библиотечных фондов заслуживает отдельного исследования. В материале М.В. Зеленова представлена история библиотечных чисток только за 1932–1937 гг., даны подсчеты по годам, что является крайне сложной задачей и далеко не всегда выполнимо. По приказу Главлита списки «приговоренных» книг уничтожались, и только благодаря местным архивам в некоторых случаях удастся восстановить картину. Автор приводит точную цифру – 241 387 699 экземпляров изъятых из библиотек и книготорговых организаций и уничтоженных книг, – однако не совсем понятно, к какому времени конкретно она относится⁴.

В период Второй мировой войны спецфонды крупных библиотек пополнялись трофейной и белоэмигрантской литературой, а в послевоенные годы, с началом холодной войны и новой волны репрессий, масштаб изъятий из общепубличного фонда значительно превзошел 1930-е годы. По подсчетам К.В. Лютовой, в спецфонде БАН на основании 14 актов за 1949–1953 гг. было уничтожено 9 506 библиотечных единиц (5 798 названий) [Лютова, 1999]. Активизировалась работа по «идеологическому просмотру» общих фондов на предмет изъятий и определения режима хранения, в том числе с ограничениями разного уровня. Кроме того, в 1949 г. Главлит издал «Циркуляр № 8», который обязывал библиотеку «удалять из книг

4 Зеленов М.В. Библиотечные чистки в 1932–1937 годах в Советской России // Открытый текст. Электронное периодическое издание. – 2006. – URL: https://opentextnn.ru/old/censorship/russia/sov/libraries/books/zelenov/index.html?id=1218#_ftnref65 (дата обращения: 20.10.2024).

общего пользования фрагменты, имеющие отношение к репрессированным лицам» [Варламова, Лукашунас, 2019, с. 274–276]. Это было серьезное новшество, качественно иной подход.

Списки (и в острых случаях телефонограммы) на изъятие отечественной литературы поступали вплоть до 1984 г. В них, по словам М.Б. Конашева, «как в геологических пластах отложились все колебания генеральной линии партии» [Конашев, 2011, с. 315].

Библиотечные спецхраны в 1956–1991 гг.

Наступившая после XX съезда КПСС «оттепель» принесла серьезные изменения в деятельность библиотек и их спецхранов. Уходит в прошлое практика массового изъятия и уничтожения «вредных» книг, библиотеки получают в 1956 г. право отражать поступления в спецхран иностранной литературы не только в служебных, но и в читательских каталогах, а затем и в библиографических указателях. Началось обратное движение книг, которые (опять же по спискам Главлита) возвращались в открытые фонды.

Результатом общего «потепления» и возраставшей открытости страны стали многочисленные соглашения об обменах, затронувшие и книжную сферу. Начиная с 1957 г. резко увеличилось пополнение библиотечных фондов иностранной литературой, которое шло по нескольким каналам: покупка за валюту через «Международную книгу», дары зарубежных организаций и международного книгообмена. Все издания проходили предварительную цензуру Главлита, и часть из них направлялась в спецхран, поступала в отделы комплектования библиотек в опломбированных

мешках, разбирать которые имели право только определенные сотрудники. Новая иностранная литература, признаваемая «антисоветской», составляла основную часть поступлений в спецфонд, в то время как поступления отечественной литературы, в том числе за счет изъятий из общих фондов, неуклонно снижались. В ГПБ доля иностранных изданий, отправляемых в спецхран, не превышала 2% [Варламова, Лукашунас, 2019, с. 280–281], однако это соотношение определялось категорией каждой конкретной библиотеки.

По свидетельству бывшего сотрудника Главлита В.А. Солодина, вся поступавшая в СССР иностранная литература разбивалась на две категории: для общего пользования, разрешенная к открытому распространению в библиотеках и в книготорговой сети, и закрытая, разделенная, в свою очередь, на четыре категории по степени ограничений: 1с, 2с, 3с и 4с. Она поступала в спецфонды библиотек. Литературу по категории 1с, то есть в самом полном объеме, получали четыре организации: ЦК КПСС, КГБ, Библиотека имени Ленина и ИНИОН. Список 2с уже был с большими изъятиями: исключалась литература, посвященная лидерам СССР и партийным разногласиям. Литература списка 4с составляла, по его данным, примерно четверть всех поступлений в страну и направлялась в спецфонды библиотек научно-исследовательских институтов и Академии наук [Цензура в царской России..., 1995, с. 15–17].

Среди иностранных поступлений были издания «генерально ограниченные», получавшие от Главлита сразу же, автоматически, ограничительный знак – один шестигранник с индивидуальным номером цензора (в просторечии «шайбу»)⁵. К ним относились ведущие поли-

5 В иерархии советской секретности один шестигранник соответствовал грифу «ДСП» – «для служебного пользования» [Махотина, 2011, с. 110].

тические западные газеты (более 400 по списку), а также все эмигрантские издания независимо от их содержания. Издания, которым присваивалось два шестигранника (что соответствовало грифу «секретно»), хранились обычно в особом шкафу у заведующих, их было не так много (а некоторые библиотеки, как, например, БАН и ГПБ, не имели права на хранение таких материалов).

В критериях засекречивания и иностранной, и отечественной литературы наблюдались определенные новации. Так, если в 1930-е годы в категорию запрещенных фактически навечно попали враги Коммунистической партии (и прежние ее соратники), в том числе Л. Троцкий, А. Зиновьев, А. Рыков, Н. Бухарин и многие другие, то в хрущевское время на спецхранение отправлялись произведения И. Сталина, Л. Берия, В. Молотова и др. В 1970-е годы под изъятие попали произведения диссидентских авторов, эмигрантов третьей волны. Творчество А. Солженицына и книга А. Некрича «1941. 22 июня» «удостоились отдельных приказов» [Конашев, 2011, с. 315]. В этот период главным критерием запрета стал отъезд автора за границу.

Советский спецхран ассоциируется обычно с «подрывной» литературой, как художественной, так и общественно-политической, а также научной (особенно по философии и психологии). Это книги и пресса, содержавшие опасную для правящей партии информацию, которые направлялись на спецхранение по идеологическим соображениям. В сталинскую эпоху та же участь была уготована и иностранной литературе по естественным наукам, однако в 1950-е годы отношение к ней серьезно изменилось. Цензурный контроль за научно-технической литературой был в общем и целом (но не полностью) отменен Главлитом, который в 1955 г. стал выпускать и списки иностранных периодических изданий, не подлежащих

просмотру. Это было связано с серьезными изменениями в подходе к охране государственной тайны, поскольку министерствам и центральным учреждениям СССР было вменено в обязанность готовить свои ведомственные перечни сведений, составляющих государственную тайну, с правом ограничивать распространение той или иной информации. Количество таких изданий росло с каждым годом, они наделялись грифом «ДСП» и в них включались «материалы, содержащие несекретные данные <...>, открытая публикация которых признана нецелесообразной» [Зеленов, 2012, с. 155]. С 1956 г. Всесоюзная книжная палата начинает издавать ежемесячный библиографический указатель «Список изданий ограниченного распространения» и становится основным источником поступлений изданий такого рода в библиотеки в виде обязательного экземпляра.

Таким образом, отечественная научно-техническая литература в немалой своей части выходила из-под прямого контроля Главлита, и режим ее хранения стали определять главным образом издающие организации. Гриф «ДСП» мог быть снят ими по запросу библиотек, чаще всего в связи с утратой актуальности той или иной информации.

Объем поступлений научно-технической литературы, содержащей ведомственную тайну, нарастал, и к 1990 г. в ряде профильных библиотек составлял до 90% всех спецхрановских поступлений [Махотина, 2011, с. 91]. В ГПБ в 1959 г. для нее был создан отдельный фонд ДСП, который, как и в ГПНТБ СО АН СССР в Новосибирске, превысил по количеству единиц собственно спецхран. В ГПБ, всесоюзной библиотеке широкого профиля (но ограниченной в получении иностранной литературы 4-й категорией), в 1986 г., незадолго до своего официального закрытия, спецфонд составлял 273 744 ед.,

а фонд ДСП – 305 404 [Варламова, Лукашunas, 2019, с. 343]. В библиотеке ИНИОН, с учетом ее специализации (общественные науки), таких изданий было несопоставимо меньше, и фонд ДСП там организовали только в 1980 г.

Общие цифры по закрытым для свободного доступа читателей фондам дать крайне сложно – в силу профильности и особенностей комплектации библиотек, а также из-за путаницы данных, возникшей в связи трудностями учета литературы ДСП. И хотя они составляли небольшой процент основных фондов (данные колеблются вокруг показателя 2%), речь шла о сотнях тысяч изданий. Относительно небольшой спецфонд ГПБ на 1 апреля 1990 г. составлял 325 976 тыс. ед. хранения, в Ленинке он был гораздо больше. Однако здесь следует учитывать, что значимую часть этих фондов составляла отборная литература – значимые произведения писателей и ученых, составлявших славу зарубежной и отечественной науки и остававшихся неизвестными массовому советскому читателю.

В 1987 г. был дан старт стремительному процессу открытия спецфондов, сначала за счет литературы Русского Зарубежья, которую сразу же начинают активно переиздавать. За ней последовала зарубежная литература, и один за другим стали выходить переводы прежде недоступных классиков философской, политической и социальной мысли. Можно сказать, что и издательский, и читательский бум в СССР рубежа 1980–1990-х годов во многом обязаны спецхранам, которые сберегли лучшие книги в своих фондах.

Спецхраны и их читатели

Отделы спецфондов были изолированы от других подразделений библиотеки, дирекция не вмешивалась в их работу, а о его специфике никто, кроме его

сотрудников, не знал. Их штаты во всех библиотеках были невелики, как правило, от 5 до 15 человек, при этом объем работы только по изъятию и возвращению книг обратно в общие фонды был велик. А ведь в их ведении находились также каталогизация, систематизация и многое другое, включая обслуживание читателей, без которых портрет спецхрана был бы не полон.

Количество читателей было относительно невелико (в БАН, по данным К.В. Лютовой, примерно 1% общего числа читателей библиотеки). Наибольшая посещаемость наблюдалась в Библиотеке имени Ленина: так, в середине 1970–1980-х годов в ее спецхран ежегодно записывалось 3–4 тыс. человек, которым выдавалось около 200 тыс. изданий, в основном по общественным наукам [Махотина, 2011, с. 125]. Надо сказать, что о существовании спецхрана люди узнавали, как правило, случайно, заказав какую-то книгу и получив отказ. Здесь начиналось знакомство с ограничениями, типичными, впрочем, для советского времени.

Для получения доступа требовалось, как и для работы в архивохранилищах, принести ходатайство (так называемое отношение) с места работы или учебы за подписью руководителя учреждения (до 1983 г. могла потребоваться подпись секретаря парткома), скрепленное круглой печатью. В этом документе указывались место работы, должность и тема исследования, и действителен он был в течение года. Если претендент был на плохом счету у начальства, он имел все шансы такой документ не получить, то есть изначально предполагалась определенная «благонадежность» человека, получавшего доступ к литературе. Как пишет М.Б. Кошарев, «порядок доступа в спецхран был разрешительный», и право пользоваться литературой «даровалось» государственными инстанциями.

Затем читатель заполнял формуляр и подписывал «Правила пользования литературой спецфондов». Как можно увидеть из опубликованных М.Б. Конашевым документов, требования в разных библиотеках немного различались, но суть ограничений оставалась примерно той же. Литература выдавалась «строго в соответствии со служебной деятельностью» и строго по указанной теме исследования. Запрещалось выносить книги из зала или передавать ее другим читателям, а также разглашать «антисоветские и антисоциалистические материалы», содержащиеся в этой литературе (пункт 2). Кроме того, в БАН, например, запрещалось «приводить в открытой печати ссылки и рецензии на авторов, все произведения которых запрещены к распространению» (пункт 3) [Конашев, 2011, с. 333, 339]. По словам М.Б. Конашева, в случае нарушения пунктов 2 и 3 читатель «оказывался перед потенциальной возможностью применения к нему ряда статей Уголовного кодекса, в том числе статьи 190 (1) («прим»), (а ранее – ее знаменитой предшественницы – 58-й)» [Конашев, 2011, с. 314]. Однако следует заметить, что «драконовский» пункт 3 имел в виду очень немногих авторов (например, А. Солженицына после его отъезда).

Для пользования литературой ДСП были другие правила, определявшиеся охраной ведомственной тайны, куда более строгие: выписки делались в специальную тетрадь с грифом, использовать эту литературу в открытой печати и в публичных выступлениях также было нельзя. Правда, наказание для нарушителей было менее суровым: лишение права пользования библиотекой на определенный срок [Конашев, 2011, с. 339–340].

На практике, однако, всё было не так уж строго, и завсегда и спецхранов налаживали хорошие отношения с библиотечными, а то и дружили с ними.

В архиве ГПБ сохранилось стихотворное послание ленинградского писателя В.Е. Львова (1904–2002) сотрудникам в ответ на поздравление его с 80-летием. Сохранилась и трогательная переписка 1964 г. А.И. Солженицына и сотрудницы ОСХ Е.М. Сергеевой по поводу возобновления его занятий в библиотеке. В связи с ажиотажем вокруг уже знаменитого писателя ему было предоставлено постоянное место в читальном зале ОСХ, куда приносили нужную ему литературу и из открытых фондов [Варламова, Лукашунас, 2019, с. 344–347]. Неформальное человеческое общение, как обычно, смягчало жесткость официальных инструкций и делало ограничения менее заметными.

Следует заметить, что небольшие, рассчитанные примерно на 10–20 мест, читальные залы спецхранов располагались «на задворках», во всяком случае, и в ГПБ, и в Ленинской библиотеке. Не избежал этой тенденции и ИНИОН РАН. И хотя читальный зал для сотрудников института находился на третьем этаже неподалеку от общего читального зала, комната для «приходящих» читателей была расположена на втором, «административном», этаже, в самом конце коридора, и примыкала к книгохранилищу. Требования, таким образом, выполнялись достаточно быстро (да и литература хранилась на читательских полках подолгу). Иногородных читателей в спецхране ИНИОН РАН было довольно много, иногда возникали и очереди.

Кардинальное отличие ИНИОН РАН от других крупных библиотек заключалось в том, что его сотрудники активно занимались в спецхране. Как минимум раз в неделю они были обязаны просматривать там новые поступления и отбирать особенно важные и интересные книги и статьи, чтобы готовить информационные и аналитические

материалы. В середине 1970-х годов подавляющая часть изданий ИНИОН РАН (до 90%) основывалась на материалах спецхрана и выходила под грифом «ДСП».

Сигнальная экспресс-информация (СИ) предназначалась строго определенному кругу читателей: так, «белая» серия, названная так по цвету обложки, издавалась тиражом иногда 2–3 экземпляра и шла секретарям и заведующим отделами ЦК. Более «демократичные» грифованные обзоры и сборники рассылались по спискам, утверждаемым ученым советом. Между тем спрос на сборники был большой, и тем или иным путем они находили и более широкого читателя.

Пришедшие в начале 1970-х годов в ИНИОН РАН сотрудники получали доступ к закрытой литературе, к новым, не известным в СССР идеям и концепциям, которые они переводили на русский язык, превращая в научную информацию, – запрос на нее в стране был в эти годы велик. Работали тогда много и с большим энтузиазмом, кто-то даже с ощущением своей миссии. Происходило, как вспоминает одна из старейших сотрудниц отдела истории, «расширение интеллектуального пространства», и становилось понятно, «как много нужно людям знать». А гриф «ДСП», по ее словам, служил дополнительной рекламой⁶.

Заключение

Начавшееся в годы перестройки открытие спецхранов стало результатом ослабления идеологического контроля со стороны КПСС и одновременно символом исчезновения коммунистической диктатуры для исполненного

надежд советского общества. Процесс занял несколько лет, закончившись ликвидацией Главлита и полной отменой цензуры в октябре 1991 г. – за два месяца до распада СССР⁷. Таким образом, вместе с Советским Союзом и его Коммунистической партией исчез и спецхран, олицетворявший советскую цивилизацию с ее всепроникающей секретностью. Его существование и бесперебойное функционирование обеспечивались несколькими факторами: господством логически стройной и весьма убедительной коммунистической идеологии; жестким идеологическим контролем со стороны партии, охранявшей свою монополию на власть; наличием тщательно выстроенной, охватывающей все стороны жизни общества сверху донизу системы институтов политической цензуры, инструментом которой он являлся.

С одной стороны, спецхран представлял собой пункт фильтрации, обеспечивая ограничение на доступ граждан СССР к информации. С другой, как показано в статье, в периоды массовых чисток библиотек он стал спасением для множества изданий, которые в противном случае были бы бестрепетно уничтожены. В конце концов, именно благодаря наличию в библиотеках особых отделений со своим порядком хранения и выдачи удалось сохранить большой массив «политически вредных» изданий, начать закупку в годы «оттепели» новейшей иностранной литературы, дав таким образом возможность (пусть не массовому читателю, а лишь специалистам) быть в курсе происходящего за «железным занавесом».

Исходя из исторического контекста характеризуется роль спецхрана сотрудниками ИНИОН РАН: «Это

6 Запись беседы с Т.М. Фадеевой. 04.06.2024.

7 В то же время во многих библиотеках (преимущественно научно-технического профиля) остались фонды литературы ограниченного распространения, в большинстве своем под ведомственным грифом «ДСП».

была гуманная находка. <...> Это было окошко в открытое пространство, которое позволяло специалистам хоть как-то доносить существующую в мире реальность и форматировать свое собственное представление о мире»⁸. Из сегодняшних реалий влияние спецхрана на науку воспринимается иначе. В оценке К. Шлёгеля существование спецхрана привело к «искажению дискурса и особой патологии интеллектуальной и научной работы», а в более широком смысле – к изоляции от общего потока человеческой мысли, затруднению и сильному нарушению обмена идеями, его замедлению и общей провинциализации [Schlögel, 2023, p. 462]. Насколько велика роль спецхрана в том эпистемологическом тупике, в котором оказалась постсоветская наука, предстоит еще оценить, как и соотношение его социальной и символической ролей в *longue duree* советской цивилизации.

Список литературы

Библиотечная энциклопедия. – Москва : Пашков дом, 2007. – 1299 с.

Блюм А.В. За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры, 1917–1929. – Санкт-Петербург : Академический проект, 1994. – 319 с.

Варламова С.Ф., Лукашунас О.К. Спецфонды Российской национальной библиотеки советского периода (1917–1990-е гг.) // Цензура в России: История и современность: сб. науч. тр. – Вып. 9. – Санкт-Петербург : РНБ, 2019. – С. 264–360.

Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР, 1917–1991 гг. – Москва : РОССПЭН, 2002. – 397 с.

Зеленов М.В. Военная и государственная тайна в СССР и РСФСР и их

правовое обеспечение (1917–1991) // Ленинградский юридический журнал. – 2012. – № 1. – С. 143–159.

Зеленов М.В. Спецхран и историческая наука в Советской России в 1920–1930-е годы // Отечественная история. – 2000. – № 2. – С. 129–141.

Конашев М.Б. Тайнство спецхрана // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. – Вып. 5. – Санкт-Петербург : РНБ, 2011. – С. 312–356.

Куренков Г.А. Защита государственной тайны в СССР как элемент системы обеспечения безопасности страны перед Великой Отечественной войной // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2018. – Т. 4 (70), № 3. – С. 51–59.

Куренков Г.А. От конспирации к секретности: защита партийно-государственной тайны в РКП(Б) – ВКП(Б), 1918–1941 гг. – Москва : АИРО-XXI, 2015. – 255 с.

Лютлова К.В. Спецхран Библиотеки Академии наук: из истории секретных фондов. – Санкт-Петербург : БАН, 1999. – 204 с.

Махотина Н.В. Фонд литературы ограниченного распространения в научных библиотеках: базовые аспекты функционирования : дисс. ... канд. пед. наук. – Новосибирск, 2011. – 233 с.

Осадчук Л.Г. Государственный контроль как средство ограничения информации в главной публичной библиотеке Приморья // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – Вып. 3 (19). – 2012. – С. 39–46.

Филимонова О.С. Фонд специального хранения в истории Национальной библиотеки Республики Карелия // Книжные памятники Карелии. Публикации. – Петрозаводск: Национальная

8 Запись беседы с Н.Ю. Лапиной. 10.10.2024.

библиотека РК, 2020. – 9 с. – URL: <https://monuments.library.karelia.ru/Publikacii/> (дата обращения: 20.10.2024).

Цензура в царской России и Советском Союзе: Матер. конф. 24–27 мая 1993 г. – Москва : Рудомино, 1995. – 176 с.

Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. – Berkeley : University of California Press, 1995. – Xxv, 639 p.

Schlögel K. *The Soviet century : archaeology of a lost world* / transl. by R. Livingstone. – Princeton : Princeton univ. press, 2023. – Xx, 906 p.

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.12

Spetskhran as a Distinct Feature of the Soviet System

Olga V. BOLSHAKOVA

DSc (History), Leading Researcher of the Center for Russian Studies
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: jkmuf16@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9032-3115

CITATION: Bolshakova O.V. (2024). Spetskhran as a Distinct Feature of the Soviet System. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 5, pp. 215–228 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.12

Received: 05.09.2024.

Revised: 24.10.2024.

ABSTRACT. *The article examines the history of the Soviet **Spetskhran** as an institution that embodied the systemic features of the Soviet civilization: closeness, secrecy, ideological control, and bureaucratization. The study traces the evolution of this institution, which was part of an elaborated system of censorship and an instrument for the limited distribution of information. The formation of the Soviet institution of **Spetskhran** began immediately after the revolution of 1917, and by the end of the 1930s, it had taken its final form. The end of the Stalinist era marked a new period characterized by abandonment of the practice of mass purges of libraries and the gradual expansion of the availability of collections. The article explores the specifics of the selec-*

tion of literature for Spetskhran in libraries and the conditions for readers to gain access to them. The disappearance of the Communist Party's ideological control and the abolition of censorship led to the liquidation of the Spetskhran institution.

KEYWORDS: Soviet civilization, censorship, Glavlit, libraries of the USSR, Spetskhran (restricted access literature fund), forms of secrecy, “For Official Use” (FUU) stamp.

References

Blium A.V. (1994). *Behind the scenes of the “Ministry of Truth”: The Secret History of Soviet Censorship, 1917–1929*. St. Petersburg: Acad. Proekt. 319 pp. (in Russian).

Censorship in Tsarist Russia and the Soviet Union: Proceedings of the conference. May 24–27, 1993. Moscow: Rudomino, 1995. 176 pp. (in Russian).

Filimonova O.S. (2020). Special Storage Fund in the History of the National Library of the Republic of Karelia // *Knizhnye pamiatniki Karelii*. Publikatsii. Petrozavodsk. 9 pp. (in Russian). <https://monuments.library.karelia.ru/Publikacii/> (date of access 20.10.2024).

Goriaeva T.M. (2002). *Political censorship in the USSR, 1917–1991*. Moscow: ROSSPEN. 397 pp. (in Russian).

Konashev M.B. (2011). The Sacrament of the Spetskhran // *Censorship in Russia: History and the present*. Issue 5. St. Petersburg: RNB. Pp. 264–360. (in Russian).

Kotkin S. (1995). *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: Univ. of California Press. XXV, 639 p.

Kurenkov G.A. (2015). *From conspiracy to secrecy: defense of party-state secrecy in the RCP(B) – All-Union Communist Party of Bolsheviks, 191–1941*. Moscow: AIRO-XXI. 255 pp. (in Russian).

Kurenkov G.A. (2018). Protection of state secrets in the USSR as an element of the system of ensuring the security of the country before the Great Patriotic War // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo un-ta. Istoricheskie nauki*. Vol. 4 (70), N 3, pp. 51–59 (in Russian).

Library Encyclopedia (2007). Moscow: Pashkov dom. 1299 pp. (in Russian).

Liutova K.V. (1999). *Special Storage of the Library of the Academy of Sciences: from the history of secret funds*. St. Petersburg: BAN. 204 pp. (in Russian).

Makhotina N.V. (2011). *Fund of literature of limited circulation in scientific libraries: basic aspects of functioning*: dissertation ... Candidate of Pedagogical Sciences. Novosibirsk. 233 pp. (in Russian).

Osadchuk L.G. (2012). State Control as a Means of Restricting Information in the Main Public Library of Primorye // *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. Vyp. 3 (19). Pp. 39–46. (in Russian).

Schlögel K. (2023). *The Soviet century : archaeology of a lost world* / transl. by R. Livingstone. Princeton: Princeton univ. press. XX, 906 p.

Varlamova S.F., Lukashunas O.K. (2019). Special Funds of the Russian National Library in the Soviet Period (1917–1990s) // *Censorship in Russia: History and the present*. Issue 9. St. Petersburg: RNB. Pp. 264–360. (in Russian).

Zelenov M.V. (2012). Military and state secrets in the USSR and RSFSR and their legal security (1917–1991) // *Leningradskii iuridicheskii zhurnal*. N 1. Pp. 143–159 (in Russian).

Zelenov M.V. (2000). Spetskhran and Historical Science in Soviet Russia in the 1920–1930s // *Otechestvennaia istoriia*. No. 2. Pp. 129–141 (in Russian).